

ЛИФАНОВА Т.Ю.
к.филол.н., доцент КазНУ им. аль-Фараби
ВЕРЕВКИН А.В.
к.социол.н., доцент КазНУ им. аль-Фараби

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ СВОБОДЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ

Свобода – базовая этическая, политическая и экзистенциальная категория. Однако найти более или менее однозначное и непротиворечивое определение свободы и как философской, и как социально-политической категории довольно сложно. Во втором из «Двух трактатов о правлении» Джон Локк излагает в общих чертах теорию естественных прав человека, утверждая, что имеются три естественных права - право на жизнь, право на свободу и право на собственность. Однако при всей значимости для истории политической и правовой мысли концепции «естественных прав» можно отметить, что в утверждение о естественном праве людей на свободу не разъясняет, в чем состоит это право и как его защищать. В аспекте гражданских прав и свобод человека понятие свобода почти всегда несет в себе внутренние противоречия. История показывает, что экономическая свобода совместима с политической диктатурой и серьезными ограничениями свободы слова и свободы вероисповедания. Отсюда следует, что разные виды коллективной свободы не могут гарантировать друг друга, как не могут гарантировать и свободы индивида.

В данной статье, обращаясь к вопросу философского обоснования проблем свободы слова и самовыражения, хотелось бы более подробно остановиться на работе английского философа Т. Скэнлона «Теория свободы самовыражения» [1], основная проблема которой заключается в сопоставлении социально-философского содержания понятия «свобода самовыражения» с его правовым статусом.

Индивидуальная свобода есть свобода индивида от вмешательства других людей, особенно от недолжного вмешательства государства. В качестве идеала это предполагает, что некоторые сферы человеческой жизни должны быть гарантированы от всякого вмешательства правительства. Важнейшими индивидуальными свободами обычно считаются следующие: свобода слова и выражения, свобода информации, свобода вероисповедания, право вступать или не вступать в брак (по желанию индивида). Значит, упомянутые свободные сферы - это, как принято говорить, частная жизнь индивида и его интеллектуальная жизнь. Тогда возникает вопрос о возможности построения, хотя бы теоретически, некой иерархии свобод, дающей разъяснение о том какая свобода в целом наиболее важна? Вероятно, такой возможности нет. Характер общества определяется существующими в нем свободами, а также множеством других факторов, поэтому где-то эмпирическое наблюдение и изучение истории подведут к одному ответу, где-то - к другому. Все же следует отметить, что если свобода мысли и

выражения отсутствует, то мы не можем даже задать этот вопрос, а тем более ответить на него.

Далее анализируя данную проблему, следует отметить, что с социально-философской точки зрения возможность выражения содержания своего сознания представляется важнейшим атрибутом человеческого существования, ограничение которого может быть оценено не просто как посягательство на законные права человека, но и как затрагивающее глубинные основания человеческого бытия. Свобода в искомом контексте может быть рассмотрена и как правовое, и как экзистенциальное понятие.

В этой связи также необходимо упомянуть, что именно «потребность в самовыражении» А. Маслоу разместил на вершине, сформулированной в его работах «Пирамиды потребностей» [2]. Основание иерархии в концепции А. Маслоу занимают потребности обеспечивающие самосохранение жизни человека сначала на физическом, а затем на социальном уровнях. Далее по мере удовлетворения базовых потребностей возникают иные формы, затрагивающиеся экзистенциальную сущность человека, которые венчает его стремление к самоактуализации и творческому самовыражению. Данное понимание представляется чрезвычайно важным при исследовании проблем свободы самовыражения, поскольку именно возможность самовыражения, понятая и как высшее проявление творчества (в смысле созидания чего-либо абсолютно нового), и как раскрытие содержание сознания человека (возможное в простом акте выражения собственного мнения), составляют одну из высших ценностей свободного общества. Данное обстоятельство, позволяет обосновать в рамках теории самовыражения существование категории «охраняемых актов» - то есть актов, которые должны быть освобождены от ограничений.

С точки зрения Джон Мильтона, для индивида свобода мысли дороже любой другой свободы: Дайте мне прежде всех свобод свободу познавать, высказывать и спорить - свободно, в согласии с совестью. Два столетия спустя, в 1859 г., Дж.С. Милль во многом повторил эти мысли в широко известном эссе «О свободе» [3]. Милль защищает также свободу мысли и выражения, поскольку она представляет большую ценность для индивида. Он доказывает, что ограничить свободу мысли - значит ограничить природу человека, лучшее в нем. Лишенные свободы мысли, люди становятся ограниченными, деградируют. Цивилизация не может развиваться без свободы, и в обществах, где индивид не свободен, берет верх посредственность и наступает общее угасание человеческих способностей.

Характер развитие современного глобального информационного общества вновь придает актуальный характер таким проблемам как свобода слова и информации. Можно условно сравнить идеал «глобального информационного общества» с обобщенным образом сети Интернет, сущностными чертами которой будут являться – доступность информации, отсутствие национальных границ, интерактивность, свобода самовыражения и, наконец, мультикультурное разнообразие, понятое как коммуникация и взаимообмен. Таким образом, культурное и языковое многообразие, свобода выражения мне-

ний, и этика в области информации являются, важными составными частями информационного общества.

Социально-психологической основой для сетевых сообществ служат принципы индивидуализма, свободы самовыражения, равного и свободного доступа к любой информации. Однако, следует упомянуть, что свободный доступ к компьютерным и интернет-технологиям создает не что иное как иллюзию свободы, приобретаемой с помощью новейших медиатехнологий. При этом речь идет именно об определенном виде свободы – свободе самовыражения.

Осуществление всеобъемлющего плана решения проблем управления и создания гражданского общества эпохи информационных технологий набирает темп, подстегиваемое растущими требованиями транспарентности и подотчетности. Информационные технологии являются ключевым фактором в достижении цели рационального управления посредством (1) расширения свободы выражения; (2) содействия обмену вопросами и ответами по проблемам политики, проводимой неправительственными и правительственными структурами; (3) образования людей с помощью обеспечения доступа к информации и знаниям [4, с. 94].

В тоже время одним из главных приоритетов демократических стран было и остается право на неприкосновенность личной жизни, которое признается национальными законами и международными нормами. Важность этого права, связанного с человеческим достоинством, личной независимостью и демократическим самоуправлением не вызывает сомнений. При этом средства массовой информации должны выполнять свои функции в соответствии с принципами свободного потока информации, свободы выражения мнений и соблюдения прав человека.

Общества знания должны быть ориентированы на расширение базовых прав человека в информационной сфере. При этом особое внимание уделено преодолению сложившихся противоречий информационного общества: опасностям информационного неравенства, усугубляющегося дисбаланса информации и знаний, защите свободы выражения мнений, опасности тотального наблюдения и контроля, угрозе манипулирования информацией с политическими целями и т.д.

Следуя логике представленной в работе Скэнлона, в первую очередь, необходимо определиться с вопросом, почему проблеме свободы самовыражения важно не только решить посредством применения определенных правовых норм, но и обосновать с позиции философской методологии. Для понимания исследуемой проблемы не достаточно только этического или правового обоснования, что в данном случае может быть обосновано с помощью понимания самовыражения как творчества, поскольку даже формулировки искомого положения в терминологии эвристики подчеркивают внутреннюю противоречивость права на свободу самовыражения. Например, «Меры по ограничению свободы творчества». Если бы мы так назвали научную статью, многие люди, наверное, бы нас не поняли, хотя с другой стороны, возможно захотели бы ее прочесть. С другой

стороны, возникает вопрос можно ли назвать творчеством и самовыражением, например «конструирование взрывного устройства». Бессмысленность такого утверждения очевидна и скорее всего даже самый «креативный» журналист не смог бы донести до общества информацию в таком виде.

Четкое определение допустимых границ свободы самовыражения является по мнению Т. Скэнлона важным как правовым, так и социально-философским вопросом, поскольку «свобода самовыражения» обладает особым правовым статусом – «охраняемых актов». В аспекте разграничения «слова» и «действия», с одной стороны, стоит вопрос о незыблемости права на свободу слова, с другой можно утверждать, что свобода слова является лишь частным случаем права на «свободу самовыражения». Что касается действия, то его характер более очевиден, поскольку, предполагая большую активность субъекта, оно требует больших ограничений, в тех случаях, когда, например, действие (даже если оно является актом самовыражения) посягает на права и свободы личности. Крайний случай таких действий – это насилие, и необходимость его ограничения более чем очевидна.

Таким образом, по мнению Т. Скэнлона, проблема состоит в том, что «охраняемые акты должны быть некоторой надлежащим образом определенной подгруппой» и в тоже время включить в категорию такие акты, которые не были словесными в обычном смысле этого термина (например, жесты, жесты и некоторые формы коммуникации посредством печати), и в то же время исключить из нее такие акты, которые, очевидно, являются словесными в обычном смысле (разговоры в библиотеках, ложные крики «пожар» в заполненном зрителями театре и т. д.) [1, с. . 206].

Далее, рассматривая данную проблему в работе Т. Скэнлона, необходимо определиться с тем, что понимается под понятием «акт самовыражения», и по каким основаниям возможно ограничение права на самовыражение.

В самом широком контексте, акт самовыражения может быть осуществлен любыми доступными средствами, начиная от жестов до музыкального произведения или даже «бросания бомб и самосожжения». Тогда возникает вопрос о том, как можно их объединить или разграничить. В данном рассуждении наиболее интересным представляется определение Т. Скэнлона, о том, что классифицировать любой акт как акт самовыражения возможно посредством определения его связи с некоторым суждением или отношением для передачи которых он предназначен. Автор пишет, что «любой акт, с помощью которого субъект намерен донести до одного или нескольких человек определенное суждение или отношение ... Помимо многочисленных словесных актов и актов печати, она включает в себя демонстрацию символов, отказ от их демонстрации, многие музыкальные представления, а также бросания бомбы, политические убийства и самосожжения. Чтобы классифицировать любой акт как акт самовыражения, достаточно определить его связь с некоторым суждением или отношением, для передачи которых он предназначен» [1, с, 206]. Это безусловно важно,

потому что если исключить содержательно-смысловой контекст из определения понятия самовыражение, мы можем прийти в своих логических построениях к довольно абсурдным выводам. Приведу пример. Такое понимание может довести до некой негативной смысловой бесконечности, в рамках которой даже нарушение правил дорожного движения можно будет рассмотреть как самовыражение точки зрения личности, на тот факт, что например, запрет парковки в определенном месте вступил в противоречие с желанием водителя. Данный пример показывает, что не всякое слово или действие может быть оценено как акт самовыражения, и таковыми, безусловно, нельзя считать ни простой разговор – который может содержать лишь обмен информацией, ни нарушение норм общественного порядка, которому не следует приписывать статус содержательно наполненного политического деяния. Исходя из данного определения, становится понятным, почему для обоснования теории самовыражения необходим философский анализ и теоретическая проработка таких аспектов теории, которые смогли бы объяснить саму цель защиты свободы слова и самовыражения.

Обращаясь к представленным в работе Т. Скэнлона положениям можно попытаться вывести несколько основных форм оправдания возможности ограничения права на свободу самовыражения.

В первую очередь необходимо отметить, что задав вопрос к кому обращены те или иные формы самовыражения, мы получаем не только субъект (в гносеологическом смысле), использующий свое право на самовыражение, но и объект, на который направлено или кому предназначено сообщение. В предельном смысле этим объектом будет являться общество в целом. В данном случае самовыражение уже не может быть осмыслено без учета тех положительных или отрицательных последствий, которые оно оказывает на общество или может оказать потенциально.

Вторая трудность, возникающая при попытке оправдать необходимость и допустимость правового ограничения свободного самовыражения, определена необходимостью условного выбора между «формой» и «содержанием». В ситуации если мы придерживаемся критерия «формы» (а не точки зрения, которую она выражает), возможно получить такое понимание свободы самовыражения в котором под категорию актов не имеющих ограничений, попадут, например, словесные формы самовыражения, а иные виды, связанные с какими-либо действиями, временем, местом, громкостью и т.д. потенциально могут быть ограничены. Недостаточность такой позиции очевидна, на мой взгляд, даже на уровне обыденного мышления, поскольку возможности «слова» превосходят техническое понимание речи – словом можно излечить и убить. Однако, с другой стороны, запреты на «свободу слова и информации» воспринимаются обществом как тягчайшее беззаконие.

Если же мы берем за основу «содержание», то получается ограничению подлежат не только действия выражающие, чью-либо точку зрения с

нарушением законов или с позиции насилия, но и определенный массив именно словесных актов, поскольку они, по сути, имеют наибольшую смысловую наполненность. В ситуации, когда мы апеллируем к содержанию актов самовыражения, мы получаем наиболее субъективную позицию. При ее реализации, по мнению Т. Скэнлона важным становится то, «в какой степени доктрина основана на естественных моральных принципах, и в какой степени она есть искусственный продукт, созданный определенными политическими институтами». Пользуясь подобным основанием, мы можем, найдя правдоподобный повод, запретить выражение любой точки зрения противоречащей позиции, например, правящей партии. Есть и другое следствие – в данной позиции исключено любое обоснование законов против диффамации.

Обе точки зрения, таким образом, оказываются весьма уязвимыми для критики и не приемлемыми в качестве достаточного основания принятия решений в вопросе об ограничениях свободы самовыражения, поскольку осуществить выбор между данными позициями затруднительно, а их совместное использование, по моему мнению, приведет к недопустимым по масштабу запретам.

Случаи из обыденной жизни и юридической практики, в которых представлены примеры как нарушения права на свободу самовыражения, так и тех отрицательных последствий, которые являются результатом отдельных неправомерных актов самовыражения, настолько разнообразны, что не могут быть объединены по одному или нескольким критериям. Т. Скэнлон пишет, что «легче установить общее звено, которое объединяет классические примеры нарушения свободы самовыражения, чем определить категорию актов, охраняемых этой свободой». Данное утверждение указывает на необходимость отыскания такого критерия, который охватывал бы только те виды отрицательных следствий, которые не должны учитываться при обосновании правовых ограничений актов самовыражения индивида.

Из рассуждений Т. Скэнлона следует, что искомый критерий может быть найден посредством формулирования на основе теоретических положений, изложенных в работе Дж. С. Милля «О свободе» самостоятельного принципа, названного автором в силу его методологической преемственности «Принципом Милля». Именно данный критерий дает возможность четкого разграничения слова и действия, так как основан на анализе практических следствий возникающих из определенных актов самовыражения.

Принцип Милля, следуя рассуждениям Т. Скэнлона дает возможность сформулировать два вида вреда, которые не могут учитываться при обосновании правовых ограничений актов самовыражения: 1) вред нанесенный определенным лицам, который заключается в формировании у них ложных представлений, 2) вредные последствия актов, когда акт самовыражения убеждает субъектов (или усиливает их убежденность) в целесообразности совершения таких актов.

Именно «принцип Милля» дает возможность сформулировать искомые определения поскольку опирается на аргументацию, которая основана исключительно на общих моральных принципах и независима от особенностей любых конкретных законов или институтов.

Следует также отметить, что принцип Милля служит основанием разграничения слова и действия как форм самовыражения, по мнению Т. Скэнлона по двум причинам, во-первых, позволяет решить проблему иррациональности, объяснив, почему некоторые наиболее очевидные последствия актов самовыражения не могут учитываться при обосновании правовых ограничений таких актов. И, во-вторых, принцип Милля, можно применять к свободе самовыражения в целом, не прибегая к особым правам (например, политическим правам) или значимости самовыражения в той или иной области деятельности (например, художественное самовыражение или обсуждение научных идей) [1, с. 214-215].

Т. Скэнлон правомерно называет принцип Милля основным принципом свободы самовыражения, поскольку в нем, на мой взгляд, отражается принципиальная невозможность запретить людям выражать свое мнение по любому вопросу в разнообразных формах, не содержащих насилия.

В заключения хотел бы отметить, что в своей работе «О свободе» Дж. С. Милль пишет: «Огромная разница утверждать правоту, позволяя оспаривать ее, – и претендовать на нее, не допуская дискуссий». Трудно не согласиться с данным утверждением, поскольку претензия на обладание монополией на истину ведет к тоталитаризму, догматизму и правовому произволу, которые недопустимы в современном глобальном мультикультурном мире.

Использованная литература

1. *Scanlon T. A theory of Freedom of Expression // Philosophy and Public Affairs*, том 1, № 2. (зима, 1972 г.), с. 204-226. - <http://links.jstor.org/sici?sici=0048-3915%28197224%291%3A2%3C204%3AАТОFOЕ%3E2.0.CO%3B2-С>
2. *Маслоу А. Мотивация и личность*. - СПб.: Евразия, 1999. - 478 с.
3. *Милль Дж. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь*. – 1993. № 11. С. 10–15; № 12. С. 21–26.
4. *Состояние исследований по проблемам информационного общества*. – СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2004 – 98 с.